

ДЖОН

ГОЛСУОРСИ

Остров фарисеев
Фриленды

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
Г61

Серия «Зарубежная классика»

Перевод с английского
Т. Кудрявцевой («Остров фарисеев»),
Е. Гольшевой («Фриленды»)

Серийное оформление А. Кудрявцева

Дизайн обложки Р. Алеева

*В оформлении обложки использован фрагмент картины
Д. Тиссо «Бал на корабле»*

Голсуорси, Джон.
Г61 Остров фарисеев. Фриленды : [романы] / Джон Голсуорси ; [перевод с английского]. — Москва : Издательство АСТ, 2023. — 608 с. — (Зарубежная классика).

ISBN 978-5-17-159503-6

Дик Шелтон живет как все. Думает как большинство представителей английского светского общества, водит «правильные» знакомства, читает «правильные» газеты, собирается без любви жениться на «правильной» барышне, хотя в глубине души понимает, что брак его не будет счастливым. Однако случайная встреча в поезде с богемным французом Луи Ферраном меняет все. Впервые Шелтон начинает наблюдать, мыслить и анализировать самостоятельно. И с каждым днем увиденное вокруг нравится ему все меньше...

Также в данный сборник вошел роман «Фриленды», повествующий о большой любви и страшном скандале, всколыхнувшем всю викторианскую Англию.

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-159503-6

© Перевод. Е. Гольшева, наследники, 2023
© Перевод. Т. Кудрявцева, наследники, 2023
© ООО «Издательство АСТ», 2023

Остров фарисеев

*Констанс Гарнетт — в благодарность
за ее переводы произведений Тургенева*

Таков обычай в обществе высоком...
Шекспир У. Король Джон

Часть первая

В СТОЛИЦЕ

Глава I

ОБЩЕСТВО

Хорошо одетый мужчина с загорелым лицом и светлой бородкой скромно остановился у книжного киоска на Дуврском вокзале. Его звали Шелтон. Он направлялся в Лондон и занял место в углу вагона третьего класса, положив туда свой саквояж. После долгих странствий по чужим краям ему казались приятными и заунывный голос продавца, предлагавшего последнюю литературную новинку, и независимый тон бородатого кондуктора, и чинное прощание мужа с женой. Проворные носильщики, пробегавшие мимо со своими тележками, мрачное здание вокзала, добротный крепкий юмор, чувствовавшийся в людях, в звуке их голосов, в самом воздухе, — все говорило ему, что он дома. Он стоял в нерешительности у прилавка, не зная, купить ли книгу под названием «Харборо», которую он уже читал и, наверное, с удовольствием прочтет еще раз, или же «Французскую революцию» Карлейля, которую он не читал и вряд ли будет читать с удовольствием; он чувствовал, что следовало бы купить вторую книгу, но не в состоянии был отказаться от первой. Пока он мешкал, не зная, на что решиться, его купе стало наполняться народом; тогда, быстро купив обе книги, он поспешил в вагон, намереваясь отстаивать свои права на место.

«Нигде так не узнаешь людей, как в дороге», — подумал он.

Почти все места были уже заняты; он положил саквояж в багажную сетку и сел. В самую последнюю минуту

в купе втиснулся еще один пассажир — молоденькая девушка с бледным лицом.

«Сгруппил я, что поехал третьим классом», — подумал Шелтон, загородившись газетой и украдкой рассматривая своих соседей.

Пассажиров было семеро. В дальнем углу расположился немолодой сельский житель. Из рта его, точно ручка трости, торчала погасшая трубка, повернутая чубуком книзу, а на лице запечатлелось сознание собственного ничтожества, свойственное тем, чья жизнь проходит лишь среди повседневных житейских забот. Рядом с ним краснощекий широкоплечий человек и его сосед — седой мужчина с острым лицом хорька — беседовали о своих садах; Шелтон стал наблюдать за ними, и его поразило странное выражение их глаз: в них было настороженное дружелюбие и вместе с тем дружелюбное недоверие, а в оживленной, даже сердечной, беседе все время звучали опасливые нотки. Взгляд Шелтона скользнул дальше и тут же отпрянул от надутого и на редкость самодовольного лица полной дамы с римским профилем, одетой в черный с белым костюм; она читала «Стрэнд мэгэзин», придерживая его одной рукой, а другая рука, с которой она сняла черную перчатку, лежала у нее на коленях, гладкая и пухлая, украшенная толстым золотым браслетом с часами. Сидевшая рядом с ней женщина помоложе, застенчивая, с ярким румянцем на щеках, разглядывала бледную девушку, которая только что вошла в купе.

«Что-то им не нравится в ней», — подумал Шелтон. В карих глазах девушки, несомненно, таилась робость; по покрою платья видно было, что она иностранка. И вдруг Шелтон встретился взглядом с другой парой глаз: молодой человек с тонким искривленным носом тотчас же отвернулся, но Шелтон успел заметить в этих голубых навывкате глазах тень насмешки. Ему показалось, что незнакомец оценивает его и смеется над ним, хочет понравиться

и словно привлекает на свою сторону. Шелтон не отвел глаз: это насмешливое живое лицо с двухдневной рыжеватой щетиной, длинным носом и толстыми губами озадачивало его. «Физиономия циника», — мелькнула у него мысль. «Но человек чуткий», — мелькнула другая, и вновь первая мысль: «И все же слишком уж циничный».

Станный молодой человек сидел, широко раздвинув колени и скрестив под скамьей ноги в изношенных брюках и пыльных башмаках; пожелтевшие кончики его пальцев соприкасались и словно скручивали невидимую папиросу. Печать отчужденности лежала на этом человеке в потрепанной одежде; в сетке над его головой не было и намека на какой-либо багаж.

Робкая девушка сидела рядом с этим непонятным субъектом. Возможно, более чем скромный костюм соседа побудил ее обратиться именно к нему.

— Простите, мосье, не говорите ли вы по-французски? — спросила она.

— Конечно, говорю.

— Тогда скажите, пожалуйста, где берут билеты?

Молодой человек покачал головой.

— Не знаю, — сказал он. — Я иностранец.

Девушка тяжело вздохнула.

— Но что с вами, мадемуазель?

Девушка не ответила и только крепче сжала руки на старой сумке, которая лежала у нее на коленях. В купе воцарилась тишина — так затихают животные, почуяв приближение опасности; взоры всех пассажиров были устремлены на чужестранцев.

— М-да, — прервал молчание краснощекий человек, — он был немножко навеселе в тот вечер, наш старый Том.

— Угу, — заметил его сосед, — это с ним бывает.

Как видно, что-то положило конец их взаимному недоверию. Пухлая гладкая рука дамы с римским профилем судорожно сжалась, и это движение отвечало

тревожному чувству, наполнившему сердце Шелтона. Казалось, и ее рука, и его сердце боятся, как бы к ним не обратились с какой-нибудь просьбой.

— Мосье, — сказала девушка дрожащим голосом, — я очень несчастна. Посоветуйте, как мне быть. У меня нет денег на билет.

В лице молодого иностранца что-то дрогнуло.

— Да? — произнес он. — Это, конечно, с кем угодно может случиться.

— Что со мной могут сделать? — проговорила девушка со вздохом.

— Не падайте духом, мадемуазель. — Молодой человек обвел глазами пассажиров, и взгляд его остановился на Шелтоне. — Впрочем, пока что ваше положение кажется мне безвыходным.

— Ах, мосье, — вздохнула девушка, и хотя было ясно, что никто, кроме Шелтона, не понимает, о чем они говорят, в купе все же почувствовался холодок.

— Я был бы рад помочь вам, — сказал молодой иностранец, — но, к сожалению... — Он пожал плечами и снова перевел взгляд на Шелтона.

Тот сунул руку в карман.

— Могу я быть чем-нибудь полезен? — спросил он по-английски.

— Конечно, сэр. Вы могли бы оказать величайшую услугу этой молодой леди, одолжив ей денег на билет.

Шелтон вытащил кошелечек. Молодой человек взял его и, передавая девушке, воскликнул:

— Тысяча благодарностей! *Voila une belle action!**

Тут на Шелтона напали сомнения, всегда сопутствующие случайной благотворительности; ему было стыдно, что у него возникли подобные сомнения, и было бы стыдно, если бы они не возникли: он украдкой посматривал на иностранца, который говорил теперь с девуш-

* Вот благородный поступок! (*фр.*)

кой на чужом для Шелтона языке. Иностранец этот выглядел настоящим оборванцем, но выражение его лица говорило о тонком остром уме и силе воли, какие редко можно обнаружить на лице заурядного человека; переведя взгляд на других пассажиров, Шелтон уловил на их лицах своеобразное сочетание презрительного возмущения и любопытства. Откинувшись назад и полузакрыв глаза, он попытался определить то новое, что появилось в атмосфере их купе. Ни в выражении лиц, ни в поведении его соседей не было ничего такого, к чему можно было бы придраться и что можно было бы втайне осудить, и это озадачивало его. Они продолжали беседовать с удивительным, чуть нарочитым бесстрашием, и все же Шелтон твердо знал, словно услышал по секрету от каждого, что этот подозрительный эпизод вывел их из состояния покоя. Случилось нечто противоречащее их понятиям о благопристойности, нечто опасное, мешающее им благодушествовать и потому непростительное. Каждый по-своему проявлял неудовольствие: одни — с юмором, другие философски или презрительно, с раздражением или с насмешкой. Внезапно, словно прозрев, Шелтон понял, что и у него в глубине души притаились те же чувства. И он рассердился на своих соседей и на себя за то, что разделяет их неудовольствие. Он взглянул на пухлую гладкую руку дамы с римским профилем. От этой холеной белой руки веяло необычайным самодовольством и обособленностью: какая-то уверенная праведность в ее изгибе, чопорная жеманность отставленного толстого мизинца — все это приобрело совершенно необъяснимую значимость, словно олицетворение приговора, который вынесли его спутники по купе, приговора общества, ибо Шелтон знал, что любые восемь человек, собравшиеся хотя бы в купе третьего класса, представляют собой зародыш общества, даже если они и внушают отвращение благовоспитанному человеку.

Однако Шелтон был влюблен и недавно помолвлен, а потому у него имелись все основания не поддаваться чувству недовольства; перед его мысленным взором вновь возникло бесстрастное красивое лицо, быстрые движения и ослепительная улыбка той, чей образ не покидал его во все время добровольного изгнания. Он достал последнее письмо своей невесты, но голос молодого иностранца, обратившегося к нему скороговоркой по-французски, заставил его поспешно спрятать конверт.

— Судя по тому, что она мне рассказала, сэр, — начал незнакомец, наклоняясь к Шелтону, чтобы девушка не могла расслышать его слов, — положение ее весьма печально. Я был бы рад помочь ей, но, как видите... — Он сделал жест, и Шелтон понял, что ему пришлось расстаться с жилетом. — Я не Ротшильд! Она приехала в Дувр с человеком, который обещал на ней жениться, а потом бросил ее. Посмотрите, — он быстрым взглядом указал на их спутниц, отодвинувшихся подальше от француженок, — как они стараются, чтобы их одежда не коснулась ее! Это добродетельные женщины, сэр. И какая же чудесная вещь — добродетель! А еще чудеснее сознавать, что обладаешь ею, особенно когда нечего бояться искушений!

Шелтон не мог удержаться от улыбки, а когда он улыбался, выражение его лица тотчас смягчалось.

— Замечали ли вы, — продолжал молодой иностранец, — что люди, которым по складу их характера и условиям жизни меньше всего подобает судить других, как раз и выступают обычно в роли судей? Суждения общества всегда бывают детски наивными, потому что оно состоит в основном из людей, которым никогда не приходилось солоно. И потом, те, у кого есть деньги, рискуют лишиться своих капиталов, если они перестанут считать неимущих мошенниками и идиотами.

Шелтона поразило это стремление бедно одетого юноши поделиться с ним, человеком совсем незнако-

мым, своими умозаключениями; поразило и то, что этот юноша так оригинально выразил его собственные затаенные мысли. Поддавшись странному обаянию незнакомца, Шелтон перестал раздумывать над необычностью создавшегося положения.

— Вы, вероятно, приезжий? — спросил он.

— Я уже семь месяцев в Англии, но до сих пор еще не бывал в Лондоне, — ответил тот. — Я рассчитываю найти себе там полезное применение — давно пора! — На секунду губы его тронула горькая и вместе с тем жалостная улыбка. — Не я буду виноват, если мне не повезет. Вы англичанин, сэр?

Шелтон кивнул.

— Простите, что я спрашиваю вас об этом. В вашем тоне я не слышу того, что замечал почти у всех англичан: особого... — *comment cela s'appelle?** — апломба, в котором проявляется одно из величайших достоинств вашей нации.

— Какое же это? — с улыбкой спросил Шелтон.

— Самодовольство, — ответил молодой иностранец.

— Самодовольство! — повторил Шелтон. — И вы называете это великим достоинством?

— Вернее, мосье, я назвал бы это серьезным недостатком народа, который всегда был великим. Вы, несомненно, самая культурная нация на земле, и это обстоятельство вас несколько испортило. Будь я английским проповедником, я стремился бы прежде всего доказать вам всю никчемность вашего самодовольства.

Шелтон откинулся на спинку скамьи и стал обдумывать это дерзкое замечание.

— Гм, — проговорил он наконец, — ваши проповеди едва ли пользовались бы успехом. Не думаю, чтобы мы были самоувереннее какой-либо другой нации.

Иностранец вздохнул, как бы соглашаясь с этим мнением.

* Как это называется? (фр.)